

Чередник Л. А.

Національний університет «Полтавська політехніка імені Юрія Кондратюка»

ОРИЕНТАЛЬНЫЕ МОТИВЫ В ПОЭЗИИ НИКОЛАЯ ГУМИЛЕВА

В статье анализируются восточная тема, которая имеет место в творчестве известного русского поэта Серебряного века Николая Гумилева. Ориентальные мотивы рассматриваются на примере стихотворений поэта разных лет.

Ключевые слова: мотив, тема, лирический герой, синтез искусств.

Серебряный век – удивительный феномен литературы начала XX века, появление которого связано с рождением нового века и начала совершенно иной эпохи. По мнению Н. Бердяева, это была эпоха “творческого подъема поэзии и философии после периода упадка ..., одна из самых утонченных эпох в истории русской культуры” [2, с. 344].

Литературу этого периода невозможно представить без творчества Николая Гумилева, незаслуженно забытого на длительное время, но велением Судьбы все-таки возвращенного широкому кругу читателей только в середине 1980-х гг. в связи с его посмертной реабилитацией. Еще Анна Ахматова в своих заметках о поэте писала: “Гумилев – поэт еще не прочитанный, визионер и пророк” [11, с. 221]. Ее пророческим словам суждено сбыться.

Невзирая на годы забвения, изучение творческого наследия Н. Гумилева имеет давнюю историю. По мнению литературоведов, в ней можно выделить два этапа: первый, “классический”, начался еще в 1922 году и продолжался до 1986 года. Среди работ, посвященных этой теме, следует назвать труды Ю. Айхенвальда, Ю. Верховского и др. Необходимо подчеркнуть, что до конца 1980-х научное гумилеведение в основном было представлено зарубежными публикациями, среди которых следует назвать работы В. Вейдле, С. Маковского, И. Одоевцевой, Н. Оцуа, П. Страховского, Г. Струве, А. Толстого, Н. Ульянова и др.

Новый виток интереса к поэзии Гумилева возник в связи со статьей Е. Евтушенко “Возращение поэзии Гумилева”, напечатанной в “Литературной газете” от 14 мая 1986 г. “Назрело время подробного исследования о жизни и творчестве поэта” [7, с. 167], – писал Е. Евтушенко.

Среди современных исследователей Н. Гумилева следует назвать А. Авраменко, Н. Грякалову, З. Минц, Н. Богомолва, П. Громова, Л. Долгополова, А. Паперно, Т. Бачелис, В. Здобина, Г. Фрид-

лендера, М. Эльзона и многих других. Но на сегодняшний день в творческом наследии русского поэта начала XX века остается еще много “белых пятен”, которые ждут своего изучения.

Целью нашей статьи является анализ особенностей проявления ориентальных мотивов в поэзии Николая Гумилева.

Известно, что интерес к восточной культуре и духовности в Европе усилился со второй половины XIX века. Большое внимание уделил этой теме и Н. С. Гумилев. В творческой биографии поэта найдется немало фактов, свидетельствующих о его любви к Востоку. Во-первых, это путешествия, во-вторых, широкоизвестное увлечение восточным искусством. Следует отметить, что русский поэт испытывал к восточной культуре не любительский, а глубокий исследовательский интерес. Прекрасным свидетельством этого является перевод Гумилевым вавилонского эпоса «Гильгамеш». Шумерскую поэму поэт перевел на русский язык в 1918 г., став одновременно читателем данного произведения, который в акмеистической поэтологии оказывается равновелик древнему автору, чья “изумительно-прекрасная поэма о Гильгамеше должна быть достоянием всех, а не только узких специалистов” [6, с. 7]. Известно, что в процессе работы над переводом Гумилева консультировали известный ассириолог, его друг В. Шилейко (в будущем второй муж А. Ахматовой), арабист И. Крачковский, египтолог Б. Тураев, художники М. Ларионов и Н. Гончарова, воспринимавшие Восток “как первоисточник всех искусств” [13, с. 305]. Г. Пospelов указывал, что “увлечение Востоком охватывало в эти годы живописцев не только ларионовского направления. Ларионовцы не только мечтали о Востоке, а хотели непосредственно “соприкоснуться с его художественным миром” [13, с. 118].

С особым вниманием Н. Гумилев относился к Н. Рериху, творчество которого считал “высшей степенью современного русского искусства” [12, с. 168]. Кроме того, поэта увлекали рери-

ховские поиски “влиятельных скандинавских, византийских и индийских, но всех преображённых в русской душе” [12, с. 169]. Многие исследователи выдвигают мысль о том, что, как и Рерих, Н. Гумилев также ищет пути понимания культуры, искусства других народов, не желая терять своего, национального и пытаясь объединить в своем творчестве эстетическое и духовное. В частности, в некоторых стихотворениях Гумилева чувствует развитие буддийской темы переселения душ. Например, эта тема присутствует в стихотворении “Вечное” (1911), повествующее о том, что человеческая жизнь – всего лишь миг по сравнению с вечностью:

Я в коридоре дней сомкнутых,
Где даже небо - тяжкий гнёт,
Смотрю в века, живу в минутах,
Но жду Субботы из Суббот;

Конец тревогам и удачам,
Слепым блужданиям души...
О день, когда я буду зрячим
И странно знающим, спеши!

Я душу обрету иную,
Все, что дразнило, улова.
Благословлю я золотую
Дорогу к солнцу от червя.

*Учил молчать, учил бороться,
Всей древней мудрости земли -
Положит посох, обернётся
И скажет просто: “Мы пришли”* [3, с. 265].

В земной жизни все проходит – и хорошее, и плохое. Да и сама человеческая жизнь неуклонно идет к завершению. Мы скорбим об ушедших и ждем встречи с ними в ином мире.

Мотив переселения душ имеет место и в стихотворении “Память” (1920). В нем поэт обращается к теме памяти и трансформации человеческой души. Для большей наглядности Гумилев сравнивает человека со змеей. И вывод его неутешителен – змея, имея возможность сбрасывать кожу, сохраняет юной свою душу, а человеку не дано такой роскоши, меняется его душа, а не тело:

*Только змеи сбрасывают кожи,
Чтоб душа старела и росла.
Мы, увы, со змеями не схожи,
Мы меняем души, не тела* [4, с. 276].

В стихотворении Гумилев прослеживает процесс реинкарнации – четырех перерождений

лирического героя: 1 – “некрасивый и тонкий” ребенок, у которого из друзей только “дерево да рыжая собака”; 2 – поэт, который “хотел стать и богом и царем”; 3 – лирический герой воплощается в стрелка и мореплавателя; 4 – поэт рассказывает о себе, о своем участии в Первой мировой войне. Это автобиографический мотив: известно, что Гумилев пошел на фронт среди добровольцев, считая, что исполняет свой долг перед Родиной: “Променял веселую свободу/ На священный долгожданный бой” [4, с. 276]. Но самое главное для него – это способность к духовному преобразованию, которое является, по мнению автора, самым сложным.

*И тогда повеет ветер странный –
И прольется с неба страшный свет,
Это Млечный Путь расцвел неожиданно
Садом ослепительных планет.*

*Предо мной предстанет, мне неведом,
Путник, скрыв лицо; но все пойму,
Видя льва, стремящегося следом,
И орла, летящего к нему* [4, с. 276].

Последние строфы являются особенно сильными. В финале возникает образ путника со скрытым лицом, впереди которого летит орел, а позади идет лев. Эти персонажи символизируют Христа и спутников его – Марка, связанного с символикой льва, и Иоанна, воплощенного в орле. Таким образом Гумилев сравнивает бессмертие бога, завещавшего свое учение последователям, и бессмертие поэта, сохранившего свои мысли в стихах. Автор, конечно, сомневается в своем бессмертии, говоря о рождении новых душ, а значит, гибели старых, но у него есть единственная надежда на вечную жизнь – творчество. Только оно может помочь человеку стать равным богу. Так своеобразно в стихотворение вплетается еще одна тема: тема поэта и поэзии.

Интерес вызывает стихотворение Н. Гумилева “Гончарова и Ларионов”, написанное в промежутке между 1917 г. и 1918 г.. Произведение посвящено русским художникам Н. Гончаровой и М. Ларионову, которые жили в Париже и сотрудничали с С. Дягилевым в оформлении спектаклей Русского балета. Следует подчеркнуть, что при жизни поэта это стихотворение не издавалось. Эта поэзия интересна не только своей редкой строфической формой – “пантум” (традиционный фольклорный жанр малайской (позднее индонезийской) поэзии, сложившийся ещё в Средние века), но и поэтическим анализом творчества двух

художников-авангардистов. В произведении удивительным образом переплелись слово и живопись, порождая удивительный синтетический идиостиль русского поэта. Кроме того, в поэзии прослеживается трактовка извечной проблемы о месте России между Востоком и Западом, между Индией и Византией, между Буддой и Христом:

*Кто дремлет, если не Россия?
Кто видит сон Христа и Будды?
Не обновленная ль стихия –
Сноп лучей и камней груды?* [9, с. 307].

Спящая Россия тревожит поэта. Косвенным образом прозвучал и далеко не риторический вопрос о грозных событиях, разыгравшихся на родине поэта за время его отсутствия: “Не обновлённая ль стихия – // Сноп лучей и камней груды?” [9, с. 307].

Интересной особенностью стихотворения является и то, что оно начинается и заканчивается одинаковой строчкой. Сравним начало и финал поэзии.

Начало:
*Восток и нежный и блестящий
В себе открыла Гончарова,
Величье жизни настоящей
У Ларионова сурово* [9, с. 307].

Финал:
*В персидских, милых миньятюрах,
Величье жизни настоящей.
Везде, в полях и шахтах хмурых
Восток и нежный, и блестящий* [9, с. 307].

Между этими строфами прошла череда событий, но прием рефрена словно “замкнул” кольцо событий и стал символом замкнутости историко-географического хронотопа России. Этот факт болью откликнулся в сердце поэта.

В творческом наследии вечного странника русской литературы Николая Гумилева есть цикл экзотический поэзий о Китае. Хотя в Китае поэт никогда не был, но он сумел передать его загадочность и красоту. В сборнике стихов “Жемчуга”

(1910) было опубликовано стихотворение “Путешествие в Китай”, посвященное С. Судейкину, русскому театральному художнику-авангардисту. В поэзии очень тонко переплетаются христианские и восточные мотивы, связанные с мифом о грехопадении и рае. Тема изобилия передается в образах вола, житницы, вина в медных ковшах и убиении упитанного ягненка, наводящие на мысли о библейской античности. Китай для поэта скорее не географическое понятие, а символ какой-то новой земли:

*Будь капитаном. Просим! Просим!
Вместо весла вручаем жердь...
Только в Китае мы якорь бросим,
Хоть на пути и встретим смерть!* [5, с. 128].

В стихотворении возникает образ Рабле, который можно трактовать по-разному. С одной стороны, с образом ренессансного писателя связана тема путешествия Пантагрюэля, одного из главных героев романа “Гаргантюа и Пантагрюэль”, и его товарищей, далекую страну, расположенную вблизи Китая, чтобы получить вещание “оракула Божественного Бакбука” (события IV книги). С другой стороны, обращение к образу Рабле ассоциируется с настроением стихотворения, которое соответствует духу его романа, по мнению М. Бахтина, “наиболее праздничного произведения во всей мировой литературе” [1, с. 303]. То есть образ Китая у Гумилева становится символом некоего идеала счастья, которого можно достичь только в будущем.

Таким образом, в результате нашего исследования можно сделать следующие выводы. Восточная тема привлекала Николая Гумилева как путешественника, исследователя, писателя. Поэт проникся восточной философией, пытался познать ее глубину. В его произведениях восточные символы и мотивы тесно переплетаются с христианскими, синтез которых и помогает писателю достичь желаемого Идеала. Кроме того, соединение темы Запада и Востока было отражением тенденции времени, для которого характерным стало стремление к диалогу культур.

Список литературы:

1. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. – М.: Худож. лит., 1990. – 543 с.
2. Бердяев Н. Русский духовный ренессанс начала XX века и журнал «Путь» (к десятилетию «Пути»). / Н. Бердяев // Бердяев Н. Философия творчества, культуры и искусства. В 2-х тт. Т. 2 – М.: Наука, 1994. – 574 с.
3. Гумилев Н. С. Полн. собр. соч. в 10 т. Т. 3. Стихотворения. Поэмы (1914-1918) / Н. С. Гумилев – М.: Воскресенье, 1999. – 464 с.
4. Гумилев Н. С. Полн. собр. соч. в 10 т. Т. 4. Стихотворения. Поэмы (1918-1921) / Н. С. Гумилев – М.: Воскресенье, 2001. – 394 с.

5. Гумилев Н.С. Сочинения: В 3 т. / Вступ. статья, сост. и примеч. Н.А.Богомолова (Т.1), Р.Л.Щербакова (Т.2), Р.Д.Тименчика (Т.3) / Н.С.Гумилев – М.: Худ. Лит-ра, 1991. – 386 с.
6. Гумилёв Н. С. Собрание переводов в двух томах. Т. 2./ Н.С. Гумилев - М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2008. – 424 с.
7. Давидсон А. Муза странствий Николая Гумилева/ А. Давидсон – М.: Наука, Изд. фирма «Восточная литература», 1992. – 319 с.
8. Евтушенко Е. А. Возвращение поэзии Гумилева/ Е.А. Евтушенко // Литературная газета. – № 9 – 1986. – С. 167 – 178.
9. Неизданное и несобранное Н. Гумилева: Неизданные стихи, фрагменты поэм и пьес./ Сост., ред. и комментарии М. Баскер и Ш. Греем –М.: Наука, 1986 – 400 с.
10. Никитин А. Л. Неизвестный Николай Гумилев. Исследование и публикация текстов/ А.Л. Никитин – М.: Интерграф Сервис, 1996. – 96 с.
11. "Самый непрочитанный поэт". Заметки Анны Ахматовой о Николае Гумилёве. Публ., сост. и примеч. В. А. Черных. //Новый мир, 1990. – № 5. – С. 219- 223.
12. Слободнюк С. Л. Элементы восточной духовности в поэзии Н. С. Гумилёв / С.Л. Слободнюк // Гумилёв Н. Исследования. Материалы. Библиография. СПб. – М., 1994. – С.164-183.
13. Пospelов Г. Г. Живопись. Графика. Театр: Книга-альбом / Г.Г.Пospelов, Е.А. Илюхина, М. Ларионов – М.: Изд-во «Галарт», изд-во «РА» [Русский авангард], 2005. – 407 с.

Cherednyk L. A. ORIENTAL MOTIVES IN THE POETRY OF NIKOLAY GUMILEV

The article analyzes the Eastern theme, which takes place in the works of the famous Russian poet of the Silver Age Nikolai Gumilyov. Oriental motifs are considered on the example of poetry poems from different years.

Key words: *motive, theme, lyrical hero, art synthesis.*